

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарным производствам № и № в отношении
адвоката Д.

12.02.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента АП СПб Саськова К.Ю., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Конины Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 12.02.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

дисциплинарное производство № возбуждено 27.01.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.; поводом для его возбуждения послужила жалоба С.Л.В., поступившая в АП СПб 22.01.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 28.01.2025.

Дисциплинарное производство № возбуждено 27.01.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.; поводом для его возбуждения послужила жалоба адвоката А.Е.С., поступившая в АП СПб 22.01.2025; в Квалифкомиссию материалы дисциплинарного дела поступили 28.01.2025.

В заседании Квалифкомиссии 22.05.2025 было принято решение об объединении дисциплинарных производств № и № , возбуждённых в отношении адвоката Д., в одно дисциплинарное производство для совместного рассмотрения.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 06.11.2025 дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. необходимо прекратить вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 12.02.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявитель С.Л.В. на заседание явилась, выразила несогласие с заключением

Квалифкомиссии, ответила на вопросы членов Совета. В частности, пояснила, что изложила в жалобе позицию сына, который считает, что адвокат Д. действовал не в его интересах.

Заявитель адвокат А.Е.С. на заседание явилась, выразила частичное несогласие с заключением Квалифкомиссии, ответила на вопросы членов Совета. В частности, настаивала на том, что адвокат Д. вступил в дело в отсутствие надлежаще оформленного ордера, а явка с повинной была оформлена уже после возбуждения уголовного дела.

Адвокат Д. на заседание явился, выразил согласие с заключением Квалифкомиссии, подтвердил свои прежние доводы, ответил на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав стороны, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Квалифкомиссия установила, что 29.10.2024 С.С.Н. был задержан по подозрению в совершении преступления и доставлен в следственный отдел по Красносельскому району Следственного управления Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу.

После получения сведений о задержании С.С.Н. к зданию следственного отдела прибыла С.Л.В., мать С.С.Н. На месте она познакомилась с адвокатом Д., который прибыл в следственный отдел для защиты интересов С.С.Н. по просьбе сослуживца С.С.Н.

В дальнейшем адвокат Д. проследовал в помещение следственного отдела и, получив от С.С.Н. согласие на его защиту, приступил к исполнению поручения, предъявив ордер адвоката № от 29.10.2024. В период с 01 час. 30 мин. до 16 час. 30 мин. с участием С.С.Н. и адвоката Д. по возбуждённому уголовному делу № были проведены следующие следственные действия: задержание подозреваемого, допрос подозреваемого, дополнительный допрос подозреваемого, очная ставка со свидетелем К.А.А., очная ставка с подозреваемым П.Б.В., привлечение в качестве обвиняемого, допрос обвиняемого.

Формализация достигнутых 29.10.2024 с С.Л.В. и С.С.Н. устных договорённостей по существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи, а именно заключение такого соглашения с С.Л.В. в простой письменной форме, произошла 01.11.2024; при этом датой соглашения было проставлено 29.10.2024. Согласно упомянутого соглашения С.Л.В. поручила, а Д. принял на себя обязанность по оказанию правовой помощи С.С.Н. в ходе подготовки к следственным действиям с участием доверителя и в ходе следственных и иных процессуальных действий с участием доверителя в рамках расследования уголовного дела №, находящегося в производстве СО по Красносельскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

Рассмотрев по существу доводы жалоб, Квалифкомиссия пришла к следующим обоснованным выводам.

1. Относительно наличия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.1. По жалобе С.Л.В.

Квалифкомиссия отметила, что неизменно придерживается сформировавшейся в АП СПб практики разделения объёма возможных дисциплинарных претензий к адвокату, вытекающих из исполнения им обязательств в рамках соглашений об оказании юридической помощи, заключённых одним лицом в защиту интересов другого (модель договора в пользу

третьего лица).

Применительно к данному дисциплинарному делу С.Л.В. действительно вправе ставить перед дисциплинарными органами адвокатской палаты вопрос о привлечении адвоката-защитника к дисциплинарной ответственности лишь по вопросам, не связанным с непосредственным оказанием юридической помощи подзащитному (осуществлением защиты). В части же доводов жалобы о ненадлежащем выполнении адвокатом Д. своих обязательств перед подзащитным, Квалифкомиссия, в отсутствие соответствующего заявления непосредственного получателя юридической помощи (подзащитного С.С.Н.), правомерно не стала рассматривать их по существу.

При этом Квалифкомиссия верно отметила, что обстоятельства, связанные со способом и порядком заключения соглашения, соблюдением адвокатом в процессе такого заключения финансовой и договорной дисциплины непосредственно затрагивают права и охраняемые законом интересы лица, участвовавшего в заключении такого соглашения и фактически оплачивающего юридическую помощь.

Игнорирование адвокатом требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и решений органов адвокатского самоуправления о надлежащем оформлении договорных отношений способно привести к утрате доверия. В связи с изложенным обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе С.Л.В., должны стать предметом рассмотрения дисциплинарных органов адвокатской палаты, поскольку соответствующие действия (бездействие) адвоката могут квалифицироваться как проступок, нарушающий требования п. 2 ст. 5 КПЭА.

1.2. По жалобе адвоката А.Е.С.

Квалифкомиссия верно отметила, что предоставленное адвокату подп. 1 п. 1 ст. 20 КПЭА правомочие обратиться в адвокатскую палату с жалобой на другого адвоката, очевидно, не является безусловным. Такое обращение, инициирующее дисциплинарное производство в отношении коллеги и возможное привлечение его к дисциплинарной ответственности, должно иметь своей целью защиту (охрану) интересов конкретного субъекта – участника правоотношений, регулируемых специальным законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

К числу таких субъектов, в защиту интересов которых вправе выступить заявитель-адвокат, относится и адвокатура как профессиональная организация и институт гражданского общества, поскольку прямое указание на такой её статус содержится и в Законе об адвокатуре (п.п. 1-3 ст. 3, п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 35), и в Кодексе профессиональной этики адвоката (п. 2 ст. 5, п.п. 4-6 ст. 9, подп. 1 п. 2 ст. 15, п. 2 ст. 18, п. 2 ст. 19).

В свою очередь, подлежащие защите каждым адвокатом общие интересы адвокатуры раскрываются в основополагающих принципах профессионально-этического поведения. К таковым относятся:

- сохранение профессиональной чести и достоинства (п. 1 ст. 4 КПЭА);
- доверие (п.п. 1-3 ст. 5 КПЭА);
- охрана сведений, составляющих адвокатскую тайну (ст. 6 КПЭА);
- профессиональная независимость.

Выявление явного пренебрежения коллегой в профессиональной деятельности одним или несколькими указанными принципами будет служить адвокату достаточным основанием для жалобы и являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Таким же допустимым поводом будет являться обращение (жалоба) адвоката, содержащая сведения о нарушении коллегой профессионально-этических норм, прямо регулирующих взаимоотношения членом адвокатской корпорации. Такие нормы содержатся,

например, в ст. 15 КПЭА.

Оснований не согласиться с этими выводами Квалифкомиссии у Совета АП СПб не имеется.

Вместе с тем, основываясь на положениях п. 1 ст. 8 КПЭА, Квалифкомиссия указала, что они не позволяют рассматривать обращение адвоката в дисциплинарные органы палаты в защиту интересов своего доверителя как исключение из числа таких активных и незапрещённых законодательством способов.

Квалифкомиссия отметила, что поскольку сама необходимость привлечения адвоката к разрешению правовой проблемы доверителя обусловлена отсутствием у последнего необходимых знаний, квалификации и опыта, то следует признать допустимым и определённую степень свободы адвоката (без выхода за пределы согласованной правовой позиции по делу) в самостоятельном выборе конкретных способов защиты прав, свобод и интересов своего доверителя. По мнению Квалифкомиссии, из изложенного следует, что вступающий в дело адвокат, обнаруживший существенные нарушения своим коллегой-предшественником прав и законных интересов подзащитного, вправе использовать не только процессуальные, но и корпоративно-дисциплинарные инструменты реагирования. Иное означало бы уклонение адвоката-защитника от исполнения обязанности по защите доверителя всеми доступными способами, установленной для него п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре.

Не соглашаясь с чрезмерно ограничительным толкованием и применением подпункта 1 пункта 1 статьи 20 КПЭА по уже изложенным основаниям, Комиссия дополнительно отмечает, что целый ряд норм Кодекса, очевидно позволяющих адвокату обратиться с жалобой в отношении своего коллеги, в большей степени направлен непосредственно на защиту законных интересов доверителей, а не профессиональных прав адвокатов.

Руководствуясь изложенным, Квалифкомиссия пришла к выводу о допустимости обращения адвоката с жалобой на своего коллегу в случаях, когда поведение последнего имеет *prima facie* признаки нарушения прав действующего доверителя адвоката-заявителя, и при условии, что такие права предоставлены доверителю законом или иным публичным актом. Данный вывод, применительно к настоящему дисциплинарному делу, позволил Квалифкомиссии исследовать доводы жалобы А.Е.С. по существу и дать им оценку.

С такими выводами Квалифкомиссии Совет АП СПб согласиться не может.

Как следует из жалобы адвоката А.Е.С., часть содержащихся в ней доводов касается обстоятельств, относящихся к вопросам взаимоотношений между адвокатом Д. и его доверителем С.С.Н. (подзащитным, непосредственным получателем юридической помощи).

К таковым следует отнести выдвинутые адвокатом А.Е.С. дисциплинарные обвинения в действиях адвоката Д. во вред интересам подзащитного.

Разрешая подобные дисциплинарные претензии, Совет АП СПб последовательно придерживается ранее сформированной им следующей правовой позиции.

В силу положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством Российской Федерации средствами. Данное предписание закона имеет обеспечительный характер и назначение и направлено на охрану прав и интересов доверителя – непосредственного получателя юридической помощи. Поэтому только доверителю – непосредственному получателю юридической помощи, вступившему в фидуциарные отношения с адвокатом, предоставлено исключительное право оценивать качество такой помощи, в том числе ставить перед дисциплинарными органами адвокатской палаты вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее

оказание юридической помощи.

Иными словами, контроль за недостатками работы адвоката возлагается на доверителя, которому непосредственно адвокатом оказывается юридическая помощь, и претензии по качеству работы адвоката вправе предъявлять только доверитель, которому адвокатом непосредственно оказывается юридическая помощь.

В материалах настоящего дисциплинарного дела отсутствуют данные о наличии у С.С.Н. каких-либо претензий к качеству оказанной ему адвокатом Д. правовой помощи, в том числе и при обстоятельствах, указанных в жалобе адвоката А.Е.С.

Поэтому доводы адвоката А.Е.С., касающиеся качества оказанной С.С.Н. юридической помощи, не подлежат рассмотрению в рамках настоящего дисциплинарного производства.

При наличии таких претензий С.С.Н. вправе обратиться в АП СПб с самостоятельной жалобой на действия (бездействие) адвоката Д. При этом адвокат А.Е.С., действуя в рамках заключённого с доверителем соглашения, может оказать последнему необходимую юридическую помощь по составлению жалобы, но инициатива по возбуждению дисциплинарного преследования в данном случае должна исходить от С.С.Н.

Основываясь на приведённых выше позициях, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что адвокат А.Е.С. не наделена правом выдвигать дисциплинарные обвинения о некачественном оказании адвокатом Д. юридической помощи С.С.Н., в частности, заявлять о действиях адвоката Д. во вред интересам подзащитного.

При вышеизложенных обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии у заявителя адвоката А.Е.С. права обращения с жалобой на ненадлежащее оказание юридической помощи адвокатом Д., Совет АП СПб приходит к выводу о **необходимости прекращения дисциплинарного производства** в указанной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Вместе с тем Совет АП СПб считает допустимыми для рассмотрения дисциплинарными органами адвокатской палаты выдвинутые адвокатом А.Е.С. обвинения в нарушении адвокатом Д. требований об оформлении ордера и его участии в составлении протокола явки с повинной «задним числом». Обе эти претензии выходят за рамки взаимоотношений между адвокатом Д. и его доверителем С.С.Н.: первая касается публичных обязанностей адвоката по оформлению ордера, а вторая, по сути, представляет собой обвинение в пособничестве следователю в применении незаконных методов расследования и подлоге документов.

2. По доводам жалобы С.Л.В. по существу.

2.1. Относительно действий адвоката Д. вопреки интересам своего подзащитного.

Как уже было указано выше, С.Л.В., не являясь непосредственным получателем юридической помощи, не вправе ставить перед дисциплинарными органами адвокатской палаты вопрос о привлечении адвоката-защитника к дисциплинарной ответственности по вопросам, связанным с непосредственным оказанием юридической помощи подзащитному (осуществлением защиты).

В данном случае, в отсутствие заявления самого подзащитного С.С.Н., в части указанных доводов Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу о **необходимости прекращения дисциплинарного производства** вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного

производства.

2.2. Относительно несвоевременного (ненадлежащего) оформления договорных отношений.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 8 КПЭА, надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу (п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре). Заключение соглашения в устной форме противоречит предписаниям ст. 25 Закона об адвокатуре, поэтому является недопустимым. При этом соглашение подлежит обязательной регистрации в документации соответствующего адвокатского образования в силу требований п. 5 ст. 21, п. 15 ст. 22, п. 2 ст. 23 Закона об адвокатуре.

Помимо изложенного, согласно подп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 6 ст. 15 КПЭА адвокат обязан исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. Так, в соответствии с п. 7 Решения Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга от 04.02.2020 (Протокол №1) (с изменениями на 29.03.2021) «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований» обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката, и неисполнение (ненадлежащее исполнение) этой обязанности является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Квалифкомиссия справедливо отметила, что в исключительных случаях, когда нет объективной возможности заключить соглашение в письменной форме до вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника, и (или) в случаях, не терпящих отлагательства, правильными профессиональными действиями следует считать надлежащее оформление правоотношений между адвокатом и доверителем в кратчайшие сроки после начала оказания юридической помощи.

Однако данный подход не может рассматриваться как допускающий возможность оказания юридической помощи в отсутствие предусмотренных законом оснований, поскольку даже в случаях, объективно исключающих возможность надлежащей формализации отношений с доверителем, между адвокатом и доверителем должны быть согласованы все существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, предусмотренные п. 4 ст. 25 Закона об адвокатуре. Квалифкомиссия обоснованно придерживалась позиции, согласно которой в тех случаях, когда адвокатом допущено отступление от установленного законом порядка по формализации отношений с доверителем, бремя доказывания соблюдения норм

профессиональной этики лежит на адвокате, допустившем такое отступление.

Как следует из установленных Квалифкомиссией фактических обстоятельств, адвокат Д. вступил в дело в качестве защитника С.С.Н. после 22.00 час. 29.10.2024.

При этом материалами дисциплинарного производства и объяснениями сторон подтверждается достижение между адвокатом Д. и лицом, заключившим соглашение, – С.Л.В. – устной договорённости о существенных условиях соглашения, которые адвокат впоследствии, 01.11.2024, изложил в тексте соглашения.

Кроме того, Квалифкомиссией было установлено, что Д. было получено согласие подзащитного С.С.Н. на осуществление его защиты адвокатом Д. В связи с этим, а также руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката и гражданско-правовой презумпцией добросовестности участников гражданского оборота, Квалифкомиссия пришла к правомерному выводу, что адвокатом Д. при принятии поручения на защиту С.С.Н., с учётом обстоятельств невозможности заключения письменного соглашения перед принятием поручения, были предприняты разумные и достаточные меры для выяснения действительной воли подзащитного на оказание ему правовой помощи и для согласования всех существенных условий соглашения об оказании правовой помощи. Это, в частности, позволило адвокату Д. закрепить номер соглашения в адвокатском образовании с целью внесения реквизитов соглашения (номера и даты) в ордер адвоката.

Формализация отношений в виде заключения письменного соглашения произошла в кратчайшие сроки после принятия поручения, что свидетельствует об отсутствии в данной части дисциплинарных претензий в действиях адвоката Д. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

3. Относительно допустимых доводов жалобы адвоката А.Е.С.

3.1. О нарушении требований об оформлении ордера.

В соответствии с требованиями п. 2 ст. 6 Закона об адвокатуре в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. Форма ордера утверждается федеральным органом юстиции. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности.

В соответствии с «Порядком изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам» (далее – Порядок), утверждённым Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 04.12.2017 (протокол №8), основаниями для выдачи ордера адвокату являются соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования (п.2.1). При этом графы ордера: «поручается» и «основание выдачи ордера» заполняются только после заключения адвокатом соглашения с доверителем или получения поручения в порядке назначения на оказание юридической помощи.

Советом АП СПб 12.10.2017 так же было утверждено «Положение об ордерах на исполнение поручений об оказании юридической помощи» (протокол № 12), в п. 4.2.4 которого установлено, что в графе «основания выдачи ордера» указываются номер и дата соглашения на оказание юридической помощи, зарегистрированного в документации адвокатского образования».

Как было установлено Квалифкомиссией (см. пункт 2.2. мотивировочной части настоящего решения), адвокатом Д. при принятии поручения требования норм Закона об адвокатуре, регулирующие порядок оформления и регистрации соглашения с доверителем,

нарушены не были; несмотря на невозможность заключения соглашения об оказании юридической помощи в письменном виде, адвокат Д. согласовал существенные условия такого соглашения, закрепил за таким соглашением номер и внёс его в ордер перед его предъявлением следователю.

Из изложенного следует, что действия адвоката Д. по оформлению на себя ордера в ситуации отсутствия заключённого с доверителем письменного соглашения не противоречат требованиям вышеупомянутых Порядка выдачи и оформления ордеров, утверждённого ФПА РФ, и Положения об ордерах, утверждённого Советом АП СПб.

3.2. О составлении протокола явки с повинной «задним числом».

Как следует из материалов дисциплинарного дела и объяснений сторон, 30.10.2024 в период с 01.30 час. до 16.30 час. (т.е. в том числе и в ночное время) с согласия С.С.Н. были проведены следственные действия с участием С.С.Н. и адвоката Д.: задержание подозреваемого, допрос подозреваемого, дополнительный допрос подозреваемого, очная ставка со свидетелем К.А.А., очная ставка с подозреваемым П.Б.В., привлечение в качестве обвиняемого, допрос обвиняемого.

Постановление о возбуждении уголовного дела № было вынесено следователем следственного отдела по Красносельскому району следственного управления Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу 30.10.2024 в 01.00 час. Вместе с тем, как верно отметила Квалифкомиссия, ордер адвоката № от 29.10.2024, представленный заявителем в материалы дисциплинарного производства, уже содержит указание на защиту интересов С.С.Н. по уголовному делу № .

Протокол явки с повинной С.С.Н. составлен следователем СО по Красносельскому району СУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу 29.10.2024 в 23.30 час. с участием адвоката Д., якобы предъявившего ордер с указанием номера уголовного дела.

В заседании 06.11.2025 представителем адвоката Д., адвокатом Н.Э.Э.о., в материалы дисциплинарного дела приобщён нотариальный протокол осмотра письменных доказательств – содержания смартфона от 10.09.2025, согласно которому в памяти осмотренного смартфона, принадлежащего адвокату Д., зафиксирован фотоснимок ордера адвоката № от 29.10.2024, в котором отсутствует номер уголовного дела. Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что это опровергает утверждение о том, что в ордер адвоката номер уголовного дела был внесён до его возбуждения, и исключает выводы о фактическом допуске адвоката Д. к осуществлению защиты С.С.Н. без предъявления ордера и о выполнении всех процессуальных действий с его участием в период с 29.10.2024 по 01.00 час. 30.10.2024 без установленных требованиями п. 2 ст. 6 Закона об адвокатуре полномочий.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу, что доводы жалобы адвоката А.Е.С. в данной части не нашли своего подтверждения, а в действиях адвоката Д. отсутствуют нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

Одновременно Совет АП СПб не усматривает состава дисциплинарного проступка в обстоятельствах времени составления протокола явки С.С.Н. с повинной, поскольку заявителем не указано, каким образом данное процессуальное нарушение ухудшило положение С.С.Н. и каким профессионально-этическим нормам противоречит поведение адвоката Д. в данной части.

Кроме того, Квалифкомиссия верно отметила, что заявление о явке с повинной является волеизъявлением лица, совершившего преступление, и может быть процессуально оформлено

после консультации с адвокатом или без таковой, в связи с чем адвокат не может стать инициатором заявления о явке с повинной.

С учётом ранее установленного Квалифкомиссией отсутствия доказательств, с разумной степенью достоверности подтверждающих доводы заявителя о действиях адвоката Д. во вред интересам своего доверителя, данные дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Квалифкомиссией были обоснованно отклонены.

Таким образом, в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства допустимые доводы С.Л.В. и А.Е.С. не нашли своего подтверждения. Совет АП СПб приходит к выводу об отсутствии в данной части в действиях адвоката Д. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

При вышеизложенных обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что презумпция добросовестности адвоката Д. в ходе дисциплинарного разбирательства не была опровергнута, а его вина в совершении дисциплинарного проступка – не установлена.

Приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы (с учётом указанных выше замечаний) Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

В силу положений п. 4 ст. 24 КПЭА, Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства, а равно выходить за пределы жалобы, представления, обращения и заключения комиссии.

Согласно п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству следующее решение:*

2) о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса;

8) о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.»

При таких условиях Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. по указанным основаниям.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 и 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарные производства № и № в отношении адвоката Д. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов):

- в части претензий о действиях адвоката вопреки интересам своего подзащитного – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом **отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;**

- в остальной части – **вследствие отсутствия** в действиях (бездействии) адвоката **нарушения** норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.